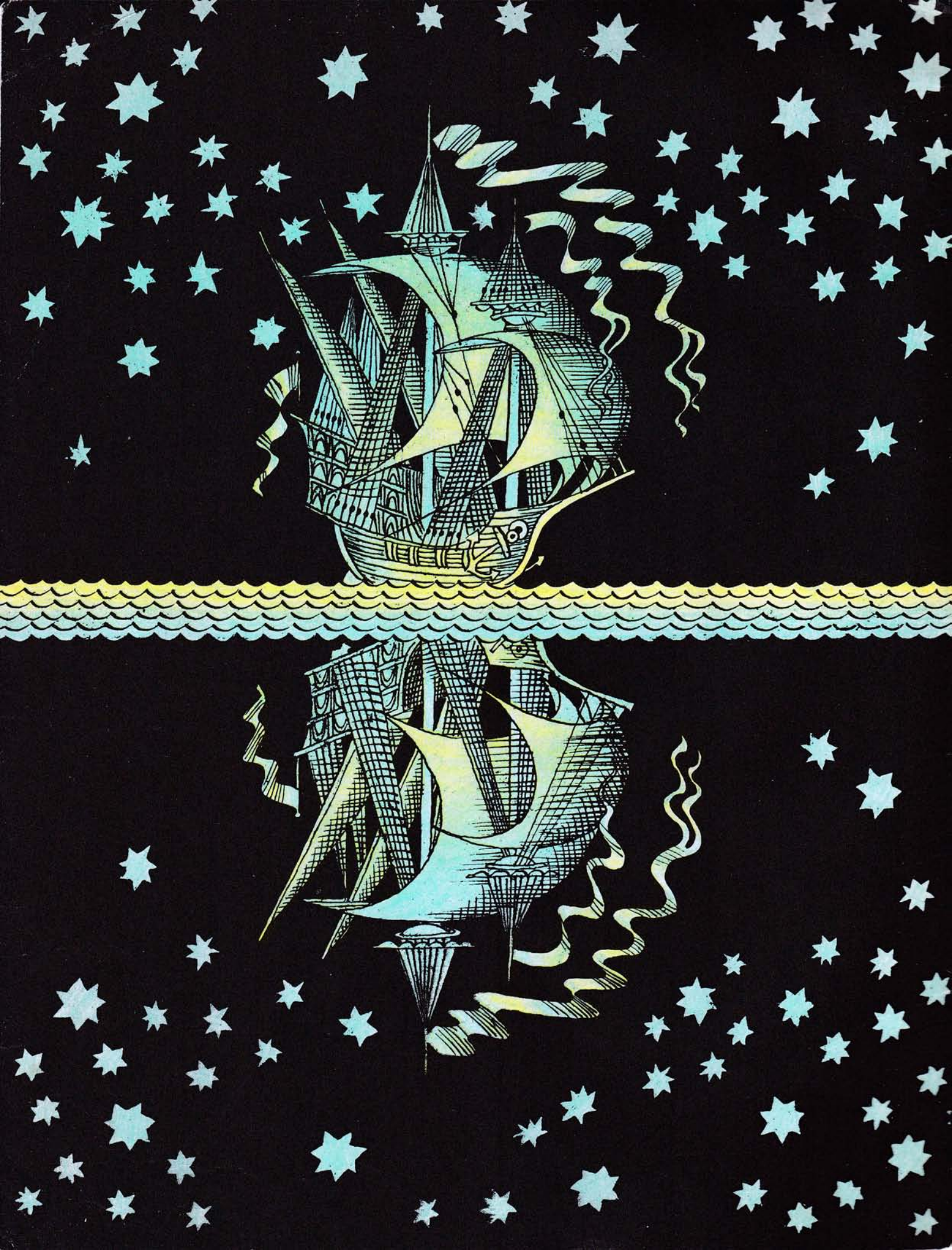
ЯКОВ ДЛУГОЛЕНСКИЙ

О МОРЯКАХ И МАЯКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"



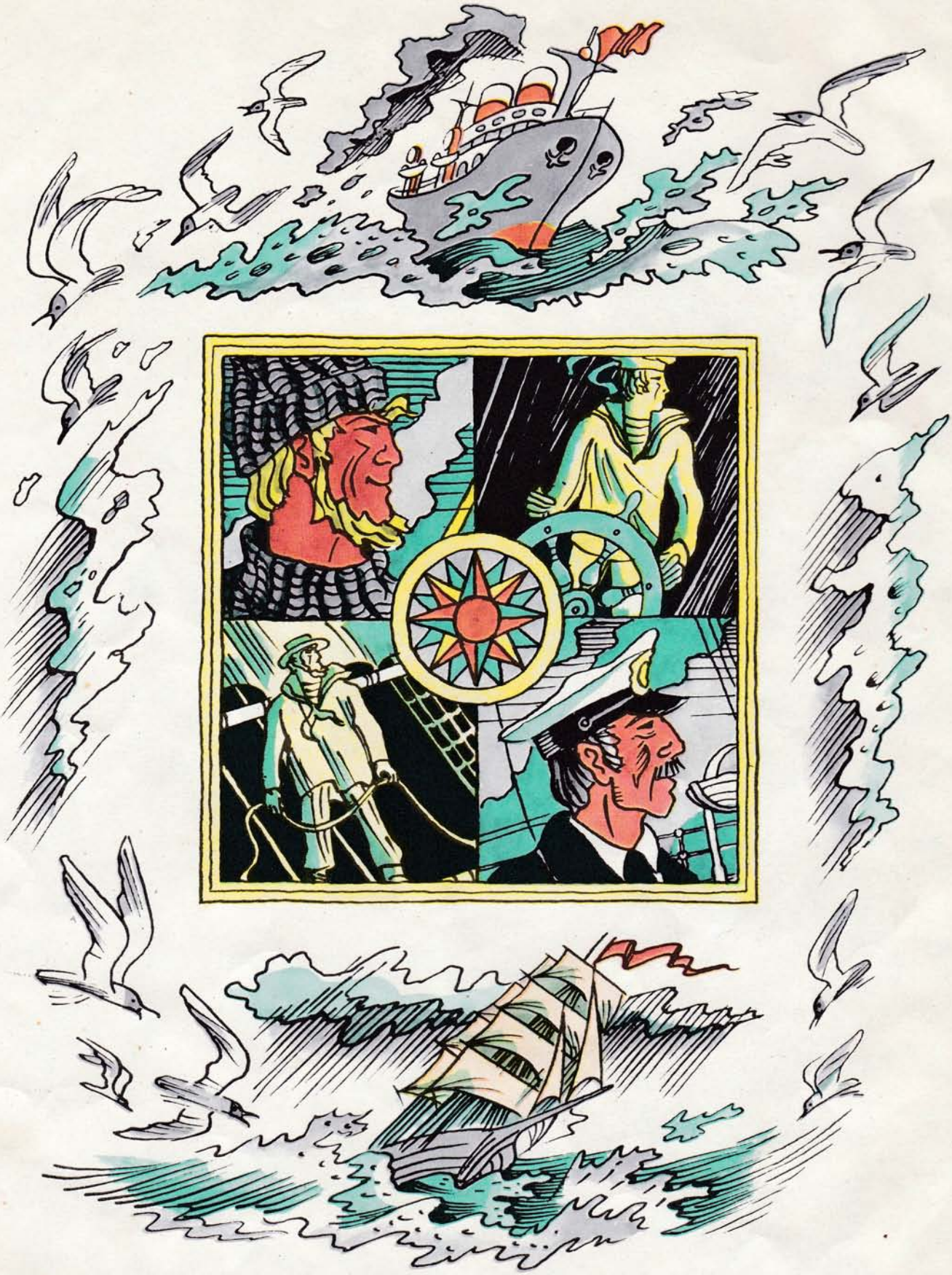
ЯКОВ ДЛУГОЛЕНСКИЙ

О МОРЯКАХ И МАЯКАХ

Книжка-картинка

Рисунки Г. Ясинского

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1977



© Издательство «Детская литература», 1977 г.

ЗАЧЕМ МОРЯКАМ МАЯКИ

На обложке этой книги нарисована башня.

Это — маяк.

Вокруг ночь, а маяк стоит себе на прибрежной скале и... разговаривает.

С кем? С моряками.

«То-ва-ри-щи мо-ря-ки! — говорит маяк. — Не под-хо-ди-те ко мне близ-ко, во-круг скалы!»

Или: «То-ва-ри-щи мо-ря-ки! Курс дер-жи-те пра-виль-ный, зав-тра бу-де-те до-ма, всё в по-ряд-ке, счаст-ли-во-го пла-вань-я!»

А моряки в ответ:

«Вас понял! Спасибо!»

Хотя, конечно же, маяки не умеют разговаривать — просто посылают морякам световые сигналы. Зато моряки эти световые сигналы прекрасно умеют читать.

Вот почему так дружат моряки с маяками и вот почему моряки говорят: «Чем больше на морских дорогах маяков — тем веселее и надёжнее нам, морякам, плавать!»

ЧТО БЫЛО, КОГДА МАЯКОВ НЕ БЫЛО

А как было, когда маяков не было? Сказать прямо: было так себе.

Даже закалённые мореходы не всегда решались уходить на своих парусных судёнышках далеко от дома. А если пускались в далёкие плаванья — с наступлением вечера обязательно стремились укрыться в удобных гаванях.

Тут некоторые могут удивиться и сказать: «Как же так? Почему же мы тогда говорим: бесстрашные мореходы?!»

А вы представьте себя — нет, не в море, а хотя бы в незнакомом лесу ночью.

Луны нет.

Кругом ничего не видно.

Вам надо попасть в соседнюю деревню. Но деревня спит, и нигде ни огонька.

Что бы вы стали делать?

Вероятно, сели бы под ёлкой, как древние мореходы в удобной гавани, и стали бы дожидаться рассвета.

Даже днём, когда море спокойно, моряков подстерегают подводные мели и скалы.

На старинных морских картах сохранились вот какие названия:

риф Смерти,

мыс Дьявола,

скала Мёртвого моряка.

Или ещё страшнее: сэр Гудвин — пожиратель кораблей.

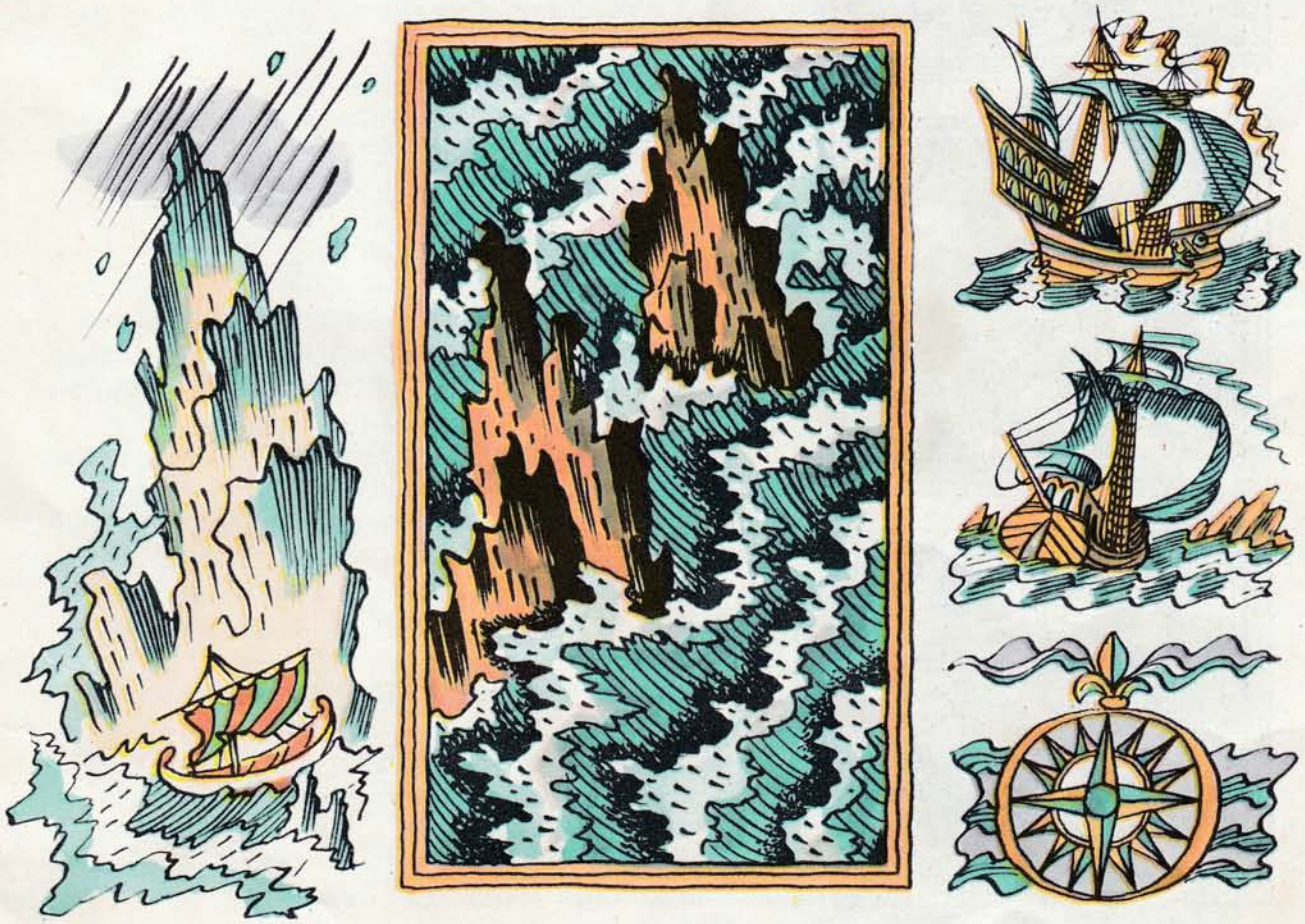
Сотни, а может быть, тысячи старинных каравелл и фрегатов разбились когда-то на этих рифах и скалах.

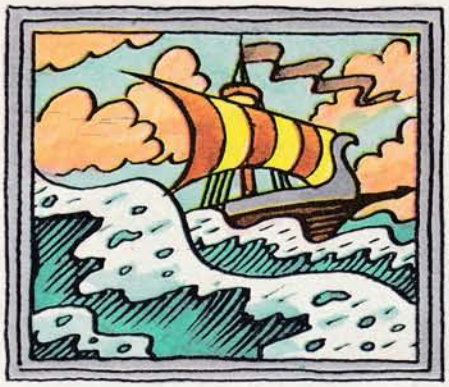
Многие тысячи бесстрашных моряков закончили здесь своё плаванье.

Те, кто давали этим местам названия, вовсе не собирались кого-то запугать: они просто хотели предупредить других моряков о грозящих опасностях.

А теперь посудите сами: если даже днём море опасно — как же довериться ему ночью? . .

Вот что было, когда маяков не было.





КАК БЫЛИ ПРИДУМАНЫ МАЯКИ И КАК ПОЯВИЛИСЬ СУХОПУТНЫЕ ПИРАТЫ

К вечеру на горизонте появился пиратский корабль.

Перепуганный купец Тибул, отдав кормчему строгое приказание спасать груз и корабль во что бы то ни стало, с достоинством удалился в свою каюту и тут, не теряя времени, переоделся в матросское платье.

Затем, несколько успокоившись, спустился в трюм и сам себя приковал огромной толстенной цепью.

Хитрый Тибул решил так: если пираты захватят корабль — наверняка перебьют команду, а потом спустятся в трюм и тут увидят его, Тибула.

— Кто таков? — грозно спросит самый старший пират.

И Тибул, звеня цепями, бодро ответит:

— Взбунтовавшийся матрос! Хотел поднять бунт, чтобы стать пиратом.

И настоящие пираты тут же признают его своим.

А потом он от них удерёт: подкупит кого-нибудь или ещё что.

На этот случай дальновидный Тибул заранее зашил в свою матросскую куртку и в свой широкий матросский пояс пятьдесят золотых монет.

...Поздно вечером бывший купец Тибул стал новоиспечённым пиратом.

Пока морские разбойники делили награбленное на тибуловском корабле добро, Тибул ходил среди них и ругательски ругал своего бывшего хозяина: купец Тибул — то, купец Тибул — сё...

Пираты пили ром и сочувственно поддакивали.

И вдруг налетел шторм.

Четыре дня штормовые ветры гоняли по морю полуразрушенный пиратский корабль. А когда шторм стих, пираты поняли, что заблудились.

Схватив абордажные крюки, они бросились к своему капитану.

— Ваша правда, ребята, — мрачно сказал капитан Билл, но ни один мускул на его отчаянном лице не дрогнул. — Мы заблудились. Во время шторма смыло за борт мои навигационные инструменты и карту. Хотя они и не отличались большой точностью, но теперь я даже не знаю, где мы находимся. Будем идти за солнцем: может, увидим землю.

Через неделю кончилась пресная вода. Еще через день пираты съели последнюю галету. А долгожданная земля всё не встречалась.

Купец Тибул попытался менять золотые монеты на пресную воду. Но пираты с гневом и отвращением отворачивались от Тибула и его монет.

Вечером капитан Билл построил на палубе команду и сказал:

— Положение отчаянное, ребята, но я, кажется, знаю, почему с нами такое приключилось. Это наказание за наши прежние грехи. Чем мы занимались до сих пор? Сеяли горох? Выращивали пшеницу? Стыдно сказать — мы грабили купеческие корабли. Не только наша в этом вина, ребята. Так сложились обстоятельства. Ты, Гектор, раньше был крестьянином; ты, Оркей, кузнецом; ты, Никифор, письмоносцем. И всех нас, свободных людей, наши господа хотели продать за долги в рабство... Сегодня ночью я принял важное решение: если судьба сжалится и на исходе дня мы встретим землю, я бросаю своё пиратское ремесло, схожу на берег и снова начинаю заниматься земледелием. Советую и вам подумать над этим, чугунные ваши головы! — И неустрашимый капитан Билл тяжёлыми шагами направился к себе в каюту.

Абордажные крюки вывалились из рук изумлённых пиратов.

— Билл!! — закричали они. — А как же мы?! Если на то пошло, мы тоже хотим раскаяться!..

И некоторые стали говорить, что, если спасутся, тоже, по примеру капитана Билла, займутся земледелием.

Бывший купец Тибул стоял на палубе, разинув рот. Впервые за свою многоопыт-

ную жизнь встретил он раскаявшихся пиратов.

И тут марсовый матрос, который сидел в специальной бочке, прикреплённой к мачте, закричал:

— Прямо по курсу огонь! Я вижу огонь!

Из пиратских глоток вырвалось радостное:

— Земля!..

Через несколько часов изголодавшиеся пираты сидели на берегу вокруг спасительного костра, пили чистую родниковую воду и с удовольствием уплетали тёплые лепёшки. Купец Тибул, на всякий случай, две лепёшки припрятал в карман.

А несколько в стороне, на небольшом камне, сидел старый рыбак Теренций и задумчиво глядел на пиратов.

— Слушай, старик, — обратился к нему капитан Билл, — этот костёр твой?..

— Мой, — коротко ответил старик.

— Вовремя же ты его развёл! — похвалил капитан Билл. — Ещё немного — и мы не заметили бы в темноте берег и эту удобную гавань...

— Не думаю, чтобы вы их не заметили, — ответил старик. — Этот костёр горит тут всегда.

Капитан Билл чуть не поперхнулся лепёшкой.

— Что ты хочешь сказать? Что ты сидишь тут и ради собственного удовольствия изводишь дрова?!

Пираты дружным хохотом ответили на шутку капитана.

Старик чуть заметно улыбнулся.

— Этот костёр горит тут всегда, — повторил он. — Я зажигаю его каждый вечер, и он горит до рассвета не ради моего удовольствия. Огонь указывает путь кораблям. И тот, кто нуждается в удобной гавани и горячей лепёшке, заходит ко мне. Сегодня зашли вы.

Пираты во все глаза уставились на старого Теренция.

— Старик, кто ты? — вдруг тихо сказал капитан Билл.

— Бывший моряк, — коротко ответил Теренций. — Когда рассветёт, вы увидите на песке несколько полусгнивших досок. Их выбросило

море. Это всё, что осталось от нашего рыбачьего судёнышка. Ночью мы пытались найти проход в эту гавань и — не нашли... — Старик помолчал. — Я спасся один. Хотя огонь костра мог спасти нас всех...

— Знаешь ли ты, Теренций, — негромко сказал капитан Билл, — что мореходы всей земли должны кланяться тебе в ноги и поднять на своих кораблях флаги с твоей добродушной физиономией?..

Теренций тихо засмеялся.

— Я говорю серьёзно, старик. Не ты первый, не ты последний, кто проиграл единоборство с морем. Я говорю о другом — об огне. Если взять твой огонь и разжечь его на всех рифах и скалах, моряки смогут без опаски выходить в море даже ночью!..

— Я уже думал об этом, — тихо ответил Теренций, — но одному мне не справиться...

Капитан Билл молча подошёл к старику и обнял его.

Как вы уже догадываетесь, капитан Билл земледельцем не стал. Бросив своё пиратское ремесло, он остался помогать старому Теренцию. А скоро об изобретении маячного огня узнали во многих странах...

Бывший купец Тибул в своё купеческое звание тоже не вернулся. Возвратившись на родину, он заделался сухопутным пиратом. Тибул быстро сообразил, какую выгоду можно извлечь из береговых костров. Сколотив разбойничью шайку, он разжигал по ночам в самых неудобных гаванях береговые костры, и корабли, обманутые этими приветливыми огнями, спешили в гавань и... разбивались о скалы. Тут-то Тибул и его компания завладевали добычей. Ясно, что купец Тибул закончил свои дни на виселице.

Вот и всё о том, как были придуманы первые маяки.

Возможно, в действительности всё происходило несколько иначе. Возможно, всё обошлось без пиратов. Но то, что первые маяки придумали моряки, — правда. И то, что вслед за первыми маяками появились сухопутные пираты, — тоже правда.

АРХИТЕКТОР СОСТРАТ И ЦАРЬ ПТОЛЕМЕЙ

Проходили годы.

Всё дальше и дальше в море уходили древние мореплаватели, открывая новые земли и страны.

На берегах удобных гаваней строились города.

Развивалась торговля.

Появилась новая морская профессия — смотритель маяка.

И хотя никто уж не помнил имени человека, который первым зажёг маячный огонь, маячные костры горели теперь на многих рифах и скалах, предупреждая моряков об опасности. А прибрежные города соревновались друг с другом в строительстве самых больших, самых высоких и самых красивых маячных башен.

Решил построить такую башню при входе в Александрийскую гавань и египетский царь Птолемей Филадельф. Он вызвал к себе греческого архитектора Сострата и сказал:

— Я, царь Птолемей Филадельф, повелеваю тебе, Сострат, построить при входе в гавань маячную башню. Она должна быть самой высокой и самой красивой в мире. Ты будешь строить её из лучшего гранита и лучшего мрамора, и пусть украсят её самые лучшие бронзовые скульптуры. Высотой ей надлежит быть сто двадцать метров. Дабы каждый, направляющийся в гавань, уже издали видел огонь маяка и мог воскликнуть: «Воистину велик царь Птолемей, создавший эту башню! И нет ему равных на земле!» Когда ты закончишь строительство, выбьешь в мраморе моё имя. Дабы и века спустя никто не сомневался в моём величии.

Архитектор Сострат выполнил приказание Птолемея: он построил неподалёку от Александрии на маленьком островке Фаросе самую красивую и самую высокую по тем временам маячную башню.

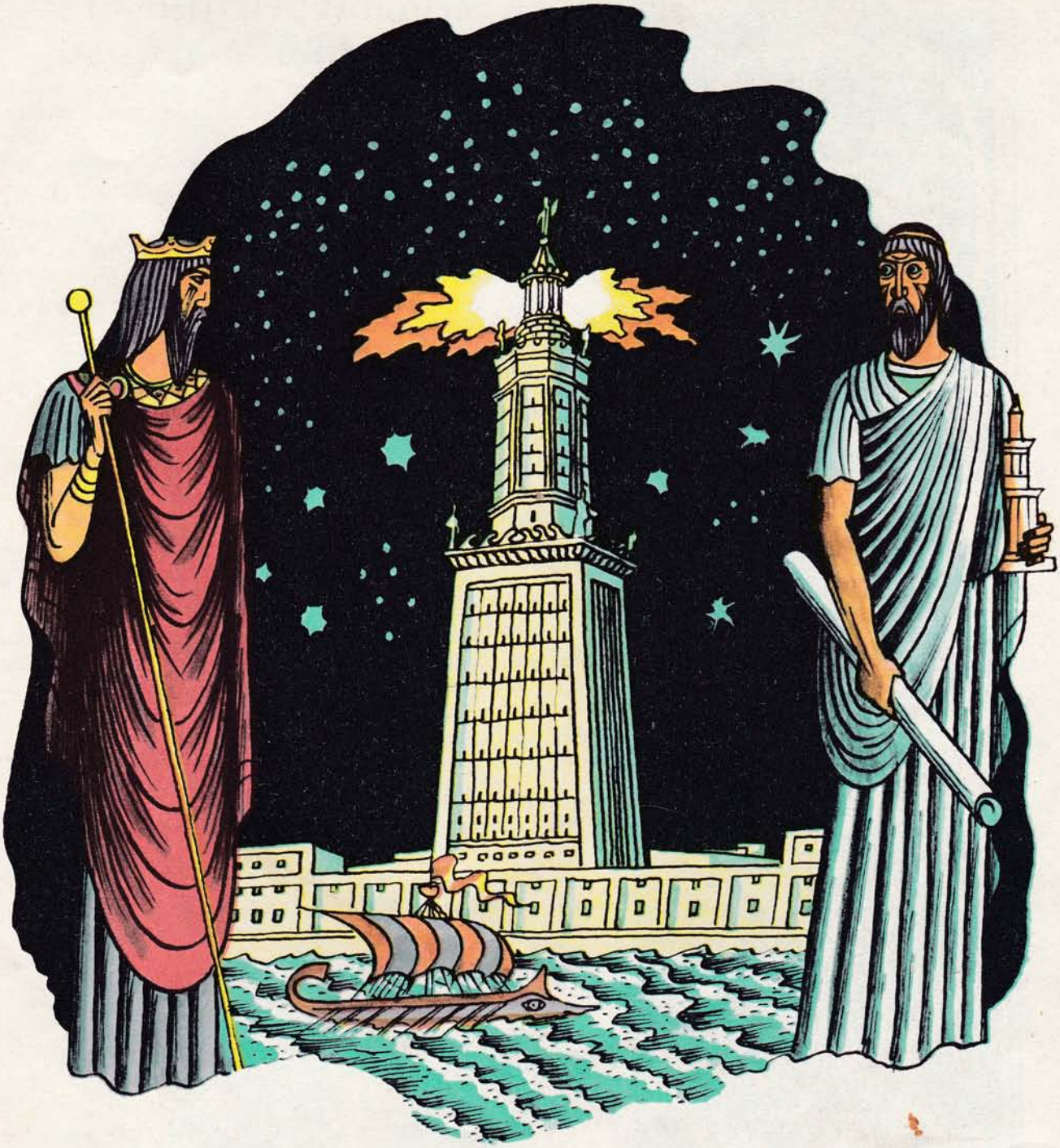
Днём и ночью горел на вершине башни огромный костёр, за которым следили и который поддерживали маячные смотрители. Дров для такого костра надо было много. Поэтому внутри маяка Сострат спроектировал специальную каменную дорожку, которая не слишком крутым серпантином уходила вверх. По этой дорожке днём и ночью взбирались навьюченные дровами трудолюбивые ослики.

Ещё Сострат укрепил на вершине специальные металлические зеркала, которые, отражая огонь, усиливали свет маяка, делая его для моряков более заметным.

Выбил Сострат по окончании строительства и имя своего повелителя: «ЦАРЬ ПТОЛЕМЕЙ». Но, прежде чем это сделать, оставил на камне и другую надпись — более точную и более справедливую: «СОСТРАТ, СЫН ДЕКСТИФОНА, ПОСТРОИЛ ЭТО РАДИ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ». И закрыл слоем штукатурки, неотличимой от мрамора.

Сострат решил так: пройдут века, даже самая прочная штукатурка отвалится, и тогда все узнают, кто был истинным создателем маяка и что не ради прославления Птолемея был построен маяк, а ради благополучия мореплавателей.

Так оно и вышло.



Александрийский маяк служил морякам верой и правдой 1500 лет. И наверное, служил бы ещё дольше, если бы не был разрушен землетрясением.

Как он выглядел — мы узнали по изображениям на старинных монетах. А историю его создания поведали нам в своих трудах древние историки.

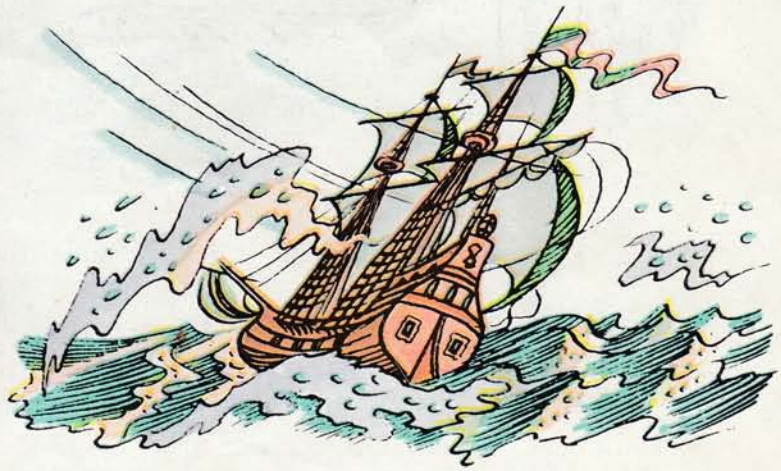
ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ЭДДИСТОНСКОГО МАЯКА

Если кто-то подумал, что строить маяки было легко и просто, — это неверно: к началу девятнадцатого века на всех морях и океанах насчитывалось не более сотни маяков. Дело в том, что как раз там, где маяк был нужнее всего, его очень трудно было построить. И если даже строителям удавалось зацепиться за крохотный клочок суши — само строительство растягивалось иногда на целые столетия. Лучше всего это видно на примере Эддистонского маяка.

У берегов Англии, неподалёку от порта Плимут, есть опасная гряда скал. Сотни кораблей здесь разбились. И всякий раз при каждой новой катастрофе все говорили, что надо на Эддистонских скалах строить маяк. Но никто не хотел браться за эту трудную задачу.

Наконец в 1696 году вызвался покорить непокорные скалы английский пивовар Уинстэнли. Почему именно пивовар? Тут дело случая. Просто у пивовара были свободные деньги — и он хотел разбогатеть ещё больше: по старинным законам, тот, кто строил маяк на свои средства, получал право взимать пошлину со всех проходивших мимо кораблей. Пивовар рассчитывал, что внакладе не останется.

Три года под руководством Уинстэнли строился первый Эддистонский маяк. Это была высокая деревянная башня, по форме напоминаю-



щая пивную бутылку. Но через несколько лет жестокий шторм разрушил маяк и унёс в море строителей и самого пивовара.

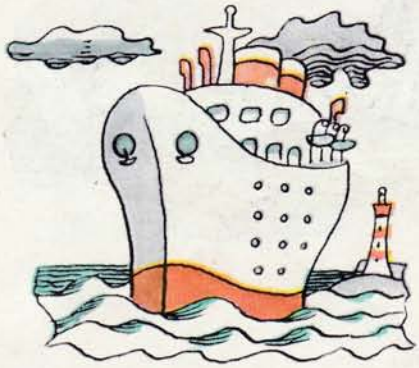
Следующим, кто решил попытать счастье, был торговец шёлком. Но и второй маяк был уничтожен — на этот раз пожаром: деревянная башня сгорела.

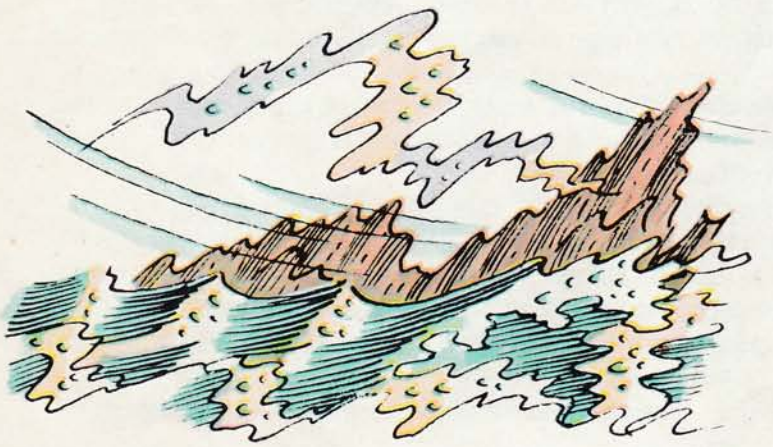
Третий маяк английское правительство поручило строить специалисту — инженеру. Он учёл ошибки своих предшественников. Каменная башня возводилась теперь по всем правилам строительного дела и по всем правилам противопожарной безопасности: ей не были страшны ни пожар, ни ветер, ни волны.

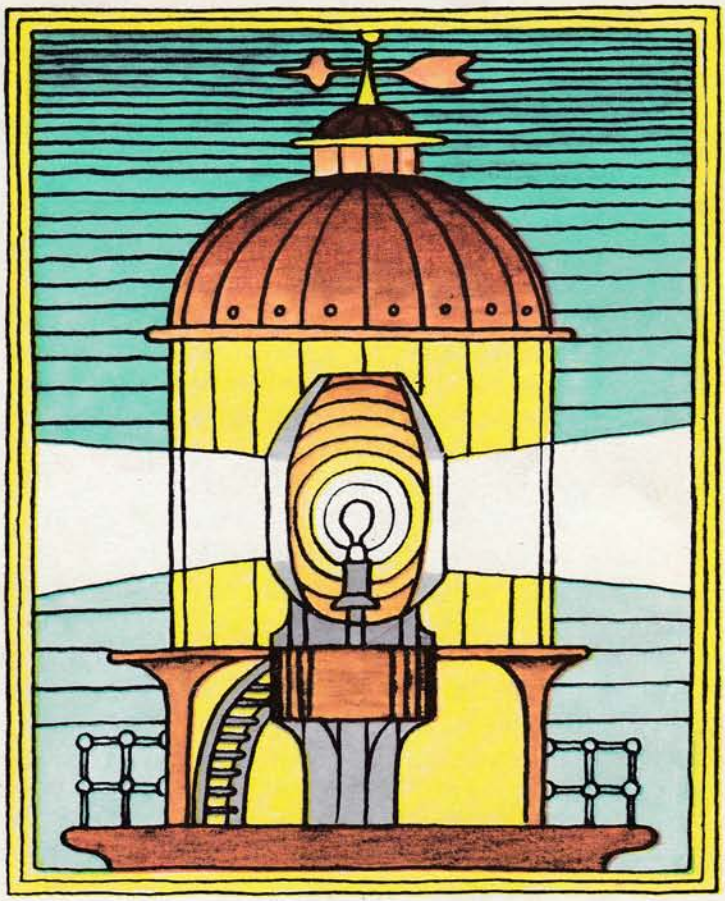
И точно: башню ветер и волны не одолели. Зато они принялись разрушать скалу, на которой маяк стоял! Создалась угроза, что в один не прекрасный день скала рухнет в море вместе с маяком!

Тогда решили строить новый, четвёртый по счёту, маяк. Для этого по соседству выбрали самую прочную скалу. Этот четвёртый маяк и сейчас стоит на Эддистонских скалах. Хотя, как выяснилось недавно, «самая прочная скала» под натиском ветра и волн тоже начинает потихонечку разрушаться, и не исключено, что вскоре появится пятый Эддистонский маяк.

А третий по счёту маяк жители Плимута решили разобрать и перенести в город — как памятник долготерпению моряков и как напоминание строителям, что хорошие, прочные маяки не так-то легко строить. Ведь в общей сложности на строительство всех четырёх маяков было потрачено более двухсот лет!..







БЕЛЫЙ, ЗЕЛЁНЫЙ, КРАСНЫЙ ИЛИ ПОЛОСАТЫЙ, КАК ЗЕБРА

Очень и очень долго главным источником света на любом маяке был костёр — из дров, угля или китового жира.

Всё изменилось с изобретением электричества и электрической лампочки.

Оказалось, ни самые лучшие в мире дрова, ни самый жаркий уголь, ни самая большая бочка китового жира не могут тягаться с обыкновенной электрической лампочкой!

Правда, на современном маяке лампочки стоят не совсем обычные — размером с небольшого первоклассника, к тому же специальные стёкла собирают свет этих ламп в один мощный и прямой луч. Вот почему современные маяки светят во много раз сильнее, чем старинные, и вот почему свет маяка хорошо виден кораблям, даже если корабли находятся от маяка на далёком расстоянии.

А чтобы моряки всегда знали, мимо какого маяка они сейчас проплы-

вают, всегда могли отличить один близко стоящий маяк от другого, договорились так:

пусть один маяк светит всегда постоянным ровным белым светом,

пусть другой то гаснет, то вновь вспыхивает через определённый промежуток времени,

пусть у третьего стёкла в фонаре стоят не белые, а цветные — зелёные или красные, и луч будет цветным — зелёным или красным.

Всё это лучше поможет морякам ориентироваться ночью.

А днём? Как отличить один близко стоящий маяк от другого? Ведь днём даже самый сильный огонь маяка плохо виден.

И здесь нашли выход.

Если берег, на котором стоит маяк, жёлтый от песка — маяк окрашивают в красный цвет: красное на жёлтом лучше заметно. Если берег порос зелёным лесом или чёрен от скал — башню маяка окрашивают в белый цвет: белое на зелёном или чёрном тоже лучше заметно. А уж если и белый, и красный цвета не годятся — делают маяк полосатым: как шлагбаум или как зебра. А уж белое от красного или от зебры отличить нетрудно!

Ну, а если туман? Тогда на маяке включается специальное звуковое устройство, которое своими сигналами помогает морякам ориентироваться.

ЧТО ВНУТРИ?

А теперь посмотрите, как выглядит маяк внутри. Какие стоят там приборы и механизмы. Как они расположены. Где живёт смотритель и все, кто работает с ним.

Цифрой 1 художник обозначил самую главную часть маяка — фонарь, в котором горят электрические лампы и который окружён специальными стёклами; стёкла, как мы уже знаем, помогают лампам светить ярче и могут быть белыми, прозрачными, а могут быть цветными.

Цифрой 2 — различные приборы, установленные на маяке, которые наблюдают за морем и погодой.

Цифрой 3 — помещение для рации и радиста; отсюда радист поддерживает связь с берегом и кораблями.

Цифрой 4 — телевизор, радио и медпункт.

Цифрой 5 — помещение, где живут смотритель и его помощники.

Цифрой 6 — кухню с холодильником и продовольственными запасами.

Цифрой 7 — ванную комнату.

Цифрой 8 — кладовую, где хранится про запас различное мелкое оборудование.

Цифрой 9 — цистерну с питьевой водой.

Цифрой 10 — прибор для регистрации морских приливов и отливов.

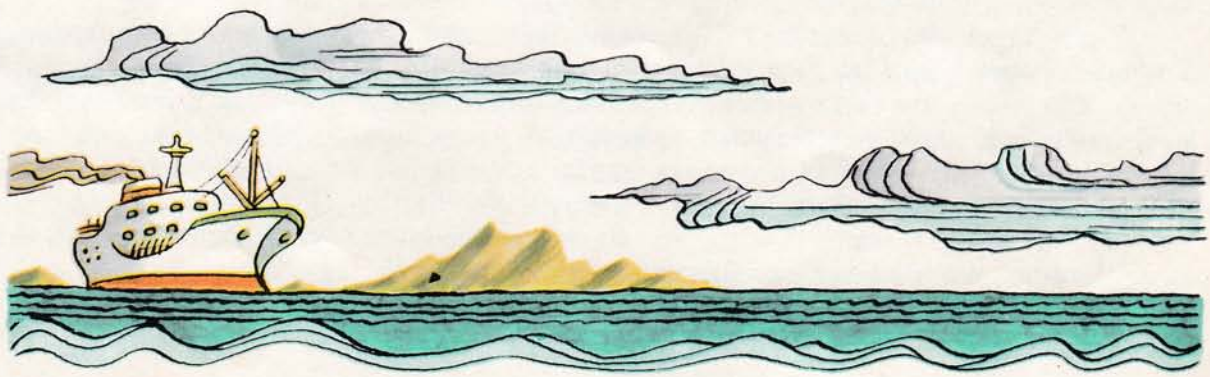
Цифрой 11 — небольшую пристань, которая находится снаружи и куда могут причаливать лодки и моторные катера.

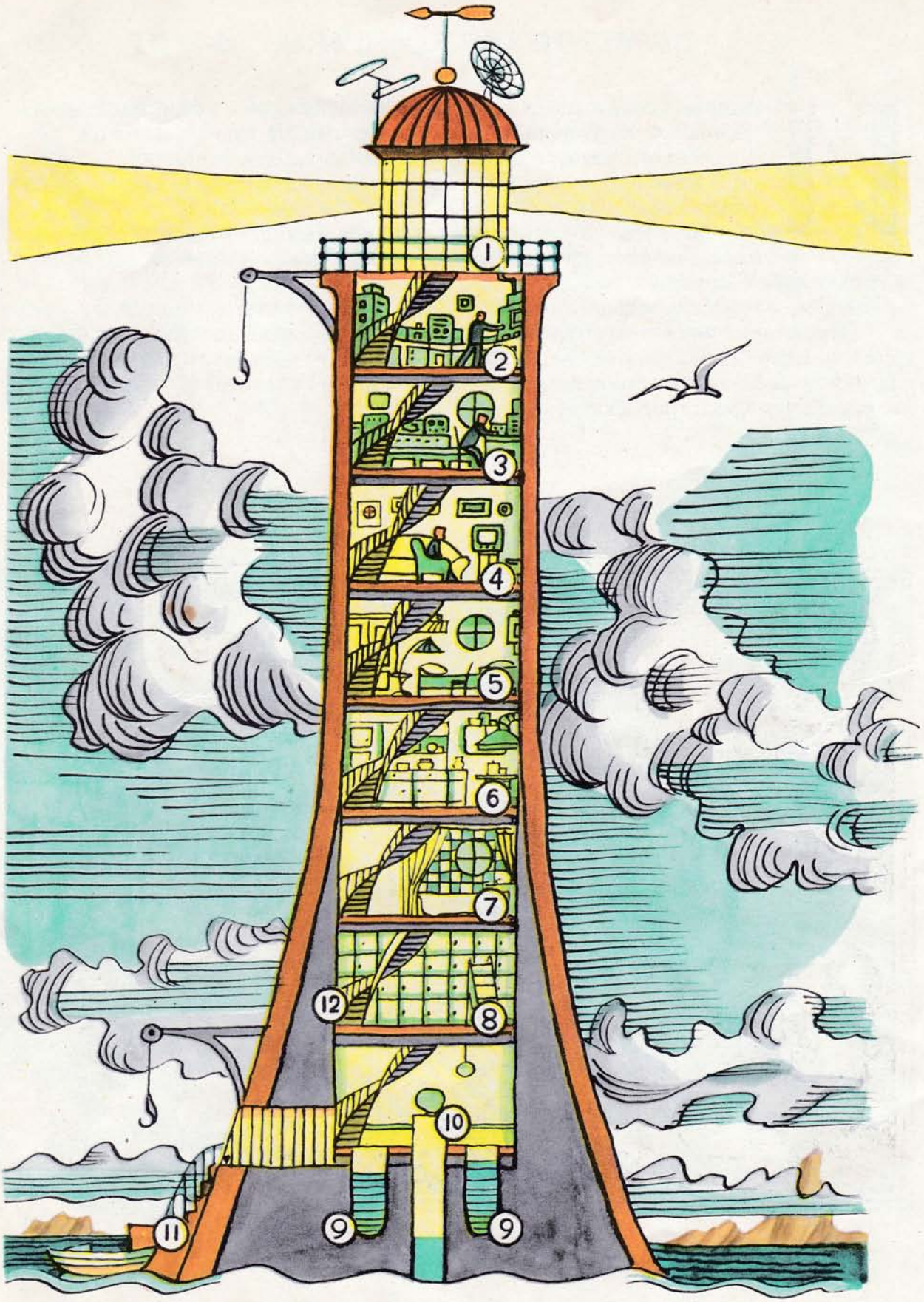
Цифрой 12 — винтовую лестницу, по которой люди ходят вверх и вниз.

Некоторые могут спросить: почему смотритель и его помощники живут внутри маяка? Что же, им не могли поставить рядом специальный домик?!

Могли бы, но... Если маяк стоит на хорошем, удобном месте — домик смотрителя стоит рядом. И не только домик — другие полезные сооружения тоже: например, коровник или сарай для поросёнка. А вот если маяк поставлен на маленькой скале далеко в море, — не всегда на такой скале отыщется удобное место для самого маяка, не то что для домика смотрителя! А если место даже отыщется, домик нужно будет делать не менее прочным, чем сам маяк. Иначе первая же сильная волна разобьёт домик в щепки и унесёт в море. А построить вполне надёжный домик, как мы знаем, не всегда просто.

Поэтому гораздо лучше и безопаснее в таких случаях устраивать жильё для смотрителя и помощников внутри маяка: маяк защищает людей от непогоды, а люди заботятся о безупречной службе маяка.




1
2
3
4
5
6
7
8
9
9
10
11
12

С ТЕЛЕВИЗОРОМ, КОНЕЧНО, ЛУЧШЕ

Итак, на современном маяке сделано всё, чтобы люди, работающие там, не чувствовали себя оторванными от Большой земли.

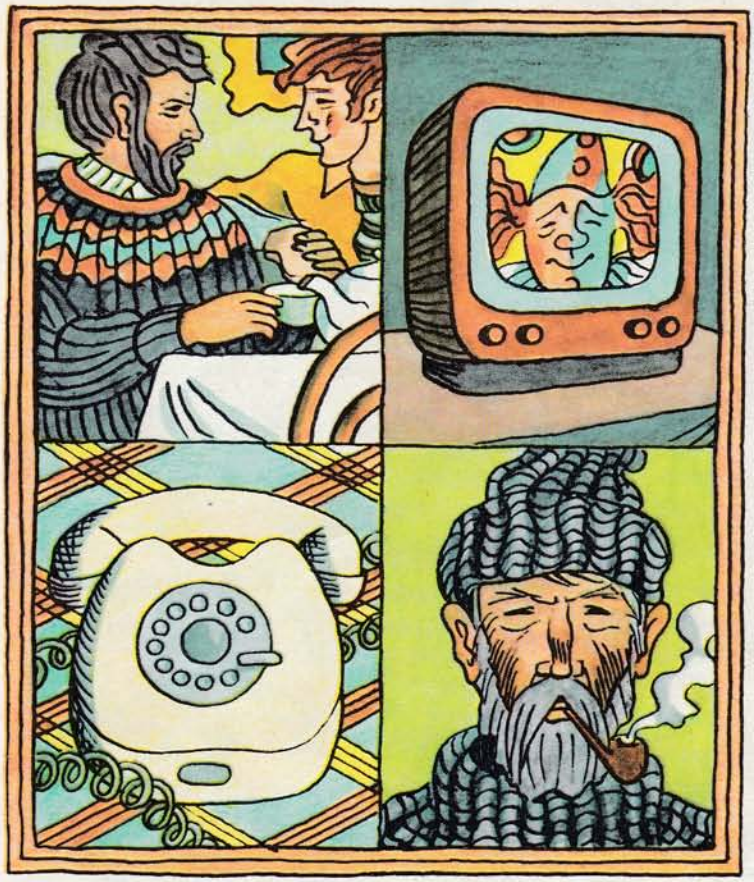
Хочешь смотреть кино — включи телевизор.

Хочешь поговорить с приятелем на берегу — сними трубку радиотелефона.

Хочешь поехать в отпуск или в выходной день в гости — за тобой придёт катер — и уже через несколько часов ты будешь в гостях за столом пить чай.

А уж если вдруг грипп начнётся — на маяк немедленно приедет врач.

И всё-таки, хотя с телевизором, конечно, лучше, нужно быть очень крепким и неунывающим человеком, нужно очень любить свой маяк, моряков и море, чтобы долгие годы провести в каменной или металлической башне далеко от берега на крохотной скале!..



ДВЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

А как же маячные смотрители жили раньше, когда не было ни телевизоров, ни радио, когда с наступлением непогоды или зимы люди на маяке оказывались отрезанными от всего мира?..

Тяжело и трудно жили.

Я расскажу историю, которая приключилась сто с небольшим лет назад в Белом море на Жужмуйском маяке, и другую, которая произошла сравнительно недавно.

Осенью 1871 года на Жужмуйский маяк были назначены новый смотритель — морской офицер — и три его помощника — отставные матросы. Люди все бывалые, опытные, прекрасно знающие море и то, что работа на маяке — совсем не сахар.

Поэтому смотритель лично проверил всё снаряжение и качество продуктов — сухарей, круп, мяса и прочего, — прежде чем погрузить всё это на

корабль. Ведь если продукты испорчены — заменить их надо на месте сборов, на маяке будет поздно. Но всё оказалось в порядке и, по расчётам, должно было хватить до следующей навигации, когда Белое море очистится ото льда и другой корабль доставит морякам новую партию продовольствия.

Но всё получилось иначе.

В самом начале лета следующего года, когда Белое море освободилось ото льдов, с торгового корабля, проходившего мимо, с удивлением заметили, что Жужмуйский маяк не горит. Событие чрезвычайное!

Капитан приказал спустить шлюпку и подойти к маяку.

Прежде всего вновь прибывшие направились к домику смотрителя. Смотритель сидел за своим рабочим столом, но был мёртв. Перед ним лежал вахтенный журнал, в который записывались данные о погоде, о состоянии льда, о работе различных маячных механизмов, о жизни людей на маяке.

Журнал, а вернее записи, и рассказали морякам о том, что случилось:

«15 декабря 1871 года. Сегодня похоронили матроса Олейникова. Он болел почти месяц. Все наши попытки спасти его ни к чему не привели».

«3 января 1872 года. Умер матрос Васильев. Мы двое пока держимся. Хотя чувствуем сильную слабость».

«11 февраля 1872 года. Я остался один. По мере сил продолжаю вести наблюдения. Сегодня с трудом поднялся по лестнице — осматривал и проверял маячное хозяйство».

«19 февраля 1872 года. Сегодня...»

На этом запись в вахтенном журнале обрывалась.

Что же случилось на маяке? Продуктов, как выяснилось, было ещё вполне достаточно, пресной воды — тоже. Может, продукты испортились? Попробовали — в порядке. Тогда что?

Цинга — вот что погубило моряков. Или, говоря проще, нехватка витаминов. Обыкновенный зелёный лук или чеснок могли спасти их. Но об этом тогда ещё не знали...

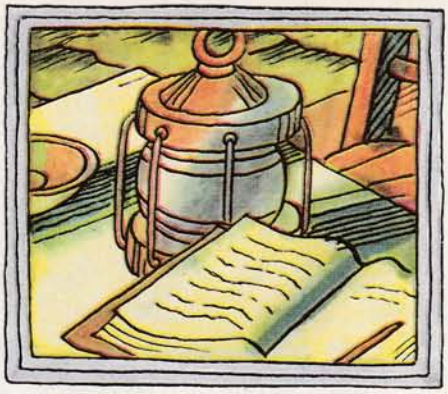
Тут некоторые могут спросить: «Почему же они не сообщили о своей болезни по телефону или по радио?»

Не было ещё тогда ни телефона, ни радио. А бросить маяк и идти за помощью им не позволял их долг.

Точно так же чувство долга не позволило экипажу немецкого плавучего маяка «Эльба-1» покинуть во время шторма свой пост.

Плавучий маяк — это специальный корабль, на котором стоит небольшая маячная башня. Корабль-маяк выходит в море, становится на якорь возле опасной скалы или отмели и, какой бы ни был сильный шторм или ураган, не покидает своего поста. Ведь именно в эти самые тяжёлые штормовые часы огонь маяка особенно нужен.

В 1937 году, когда в Гельголандской бухте разыгрался особенно сильный шторм, «Эльба-1» стояла на якоре возле опасной гряды скал. Огромные волны начали заливать корабль. Он стал крениться. Экипаж мог увести свой корабль в безопасное место — достаточно было отцепить якорную цепь. Но моряки этого не сделали. До самой последней минуты они оставались на своём посту, и до самой последней минуты светил огонь маяка, предупреждая другие корабли об опасности...



КАК МАЯК ПОЛУЧАЕТ ИМЯ

Чаще всего маяк получает своё имя по названию скалы, мыса или гавани, где стоит. Иногда получает имя строителя, который его строил.

А вот Толбухин маяк, который расположен возле морской крепости Кронштадт, на Котлинской косе, получил своё имя при совсем других обстоятельствах.

В 1705 году на Котлинской косе высадился шведский морской десант. Шведы хотели захватить крепость и закрыть русским кораблям выход в Балтийское море.

Но полковник Толбухин с небольшим отрядом русских моряков разгромил шведов и отстоял крепость.

В память об этом событии на месте сражения был поставлен маяк, который и получил имя Толбухин.

А спустя много лет подвиг отряда Толбухина повторили советские моряки — защитники острова Сухо.

ПОДВИГ ЗАЩИТНИКОВ ОСТРОВА СУХО

Остров Сухо находится в Ладожском озере. Размером он с футбольное поле. Кроме невысокого маяка, там ничего нет. Мало кто, кроме моряков, знал до войны об этом неприметном островке. Сейчас о нём знает каждый.

Когда началась Великая Отечественная война, гарнизон острова насчитывал девяносто моряков, всего три пушки и несколько пулемётов.

Больше пулемётов и пушек на острове не умещалось.

Когда-то до войны многие из теперешних защитников Сухо проходили мимо островного маяка на своих невоенных судёнышках и баржах. Сейчас им предстояло защитить остров, который прикрывал подступы к осаждённому Ленинграду.

Фашисты окружили город. Связь с Большой землёй поддерживалась только по Ладожскому озеру — по Дороге жизни. Зимой — по льду на грузовиках, летом — на самоходных баржах и буксирах доставлялись в город

продовольствие, боеприпасы и вывозились на Большую землю больные и раненые.

Вместе с кораблями Ладожской военной флотилии пушки острова Сухо отгоняли от Дороги жизни фашистские самолёты, а маяк острова служил нашим кораблям хорошим ориентиром.

Фашисты решили овладеть островом: установить там дальнобойные пушки, а маяк взорвать.

Тёмной октябрьской ночью 1942 года более тридцати фашистских кораблей скрытно подошли к острову и попытались высадить десант. И хотя наши моряки мужественно защищались, отстаивая каждую пядь, каждый метр острова,— врагу удалось захватить крохотный кусочек суши. Ведь вражеских десантников поддерживали корабли и самолёты. Вражеских десантников было во много раз больше!..

Тогда наши моряки пошли в последнюю штыковую атаку. И тут на помощь к ним подоспели самолёты и корабли Ладожской военной флотилии.

Фашистский десант был уничтожен.

МАЯК, НА КОТОРОМ НИКТО НЕ ЖИВЁТ

А теперь повторим с самого начала:
МАЯК — это высокая башня с сигнальным огнём наверху,
МАЯК помогает морякам ориентироваться в море,
на МАЯКЕ живёт...
Стоп!
Стоп!
Стоп!

Знаете, очень может случиться так, что

СКОРО
НА МАЯКЕ
НИКТО
ЖИТЬ
НЕ БУДЕТ!

Все маячные смотрители со своими помощниками съедут на берег!

Первый такой безлюдный автоматический маяк уже действует — он стоит в водах Таллинского залива. Специальные приборы следят за работой маяка. А на берегу за приборами наблюдают люди.

На маяке никого нет.

Внутри маяка тихо.

Только морские волны накатывают на башню.

Жаль, конечно, если обезлюдят маяки: маячный смотритель — одна из самых старых морских профессий.

Но мы-то с вами знаем: работа на маяке нелёгкая. Поэтому пожелаем удачи смотрителям, когда их служба будет проходить на берегу, а их маяки останутся нести службу далеко в море!

20 коп.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО
И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Длуголенский
Яков Ноевич

О МОРЯКАХ И МАЯКАХ

Ответственный редактор
Д. Б. Колпакова.
Художественный редактор
Б. Г. Смирнов.
Технический редактор
Л. Б. Куприянова.
Корректоры
Л. Л. Бубнова и
В. Г. Шишкина.

ИБ 1501

Сдано в набор 22/II 1977 г. Подписано к печати 13/VII 1977 г. Формат 60×90¹/₈. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 3. Усл. печ. л. 3. Уч.-изд. л. 2,66. Тираж 150 000 экз. Заказ № 350. Цена 20 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

70801—165
Д————————38—77
М101(03)—77